

Что такое неолиберализм в контексте современной “экономикс” и экономики

Аннотация

*Статья посвящается исследованию теории и практики неолиберализма как ответа на замедление темпов экономического роста в капиталистическом мире в начале 1970-х годов. Возвращение США и других западных государств к *laissez faire* было вызвано их провалом в решении острых социально-экономических проблем в своих странах с помощью кейнсианства. Переход к неолиберализму повлек за собой утверждение рыночного фундаментализма в западных странах и навязывание принципов *laissez faire* странам “третьего мира” и с “переходной экономикой”, которые были вынуждены модифицировать свои экономики в соответствии с императивными требованиями “Вашингтонского консенсуса” и “пост-Вашингтонского консенсуса”. Внедрение этих требований под эгидой Всемирного банка, Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации привело к беспрецедентному углублению пропасти между богатыми и бедными странами, а также между богатыми и бедными людьми как в странах глобального Юга, так и в странах глобального Севера. Навязанные всему миру, особенно бывшим колониальным и социалистическим странам, эти требования обернулись втягиванием большинства стран мира в первый глобальный финансово-экономический кризис, что свидетельствует о необходимости смены нынешней парадигмы социально-экономического развития.*

Ключевые слова: неолиберализм, рыночный фундаментализм, кейнсианство, глобальный неолиберальный капитализм, глобальный финансово-экономический кризис, транснациональные корпорации, бедность, социальное неравенство

На исходе XX века неолиберализм получил широкое распространение в экономической науке и практике в качестве “адекватного” ответа на замедление темпов экономического роста, с которым столкнулись западные капиталистические страны после начала мирового энергетического кризиса в

1973 году и втягивания в мировой экономический кризис 1974–1975 годов. Последний подвел черту под “славным послевоенным тридцатилетием” после Второй мировой войны, заставив научный истеблишмент и правящие элиты ведущих государств Запада заняться поиском более действенных лекарств для врачевания своих “больных” экономик вместо давшего сбой кейнсианства. Эти изыскания завершились возвратом к старой идеологии и практике *laissez faire*, что в переводе с французского означает “пусть делают, что хотят”. В США и других англосаксонских странах термин *laissez faire* трактуется как “свободное частное предпринимательство”.

Предшественником неолиберализма был экономический либерализм XVIII–XIX веков с его сакрализацией “свободной торговли”. Разница между старым и новым либерализмом заключается, как отмечает профессор Инсбрукского университета Клаудиа фон Верлхоф, в том, что “либеральные экономические цели прошлого в настоящее время не только эйфорически воскрешены, но и стали “глобализированными”” [Werlhof, s.a.]. Однако возвращение неолиберализма к классическому либерализму произошло только на идеологическом уровне [Konings, 2010: p. 742]. По мнению профессора Колумбийского университета, лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, неолиберализм — это всего лишь “сборная солянка идей, основанных на представлении фундаменталистов о том, что рынки — это саморегулирующиеся системы, которые эффективно распределяют ресурсы, а также хорошо служат интересам общества”. Стиглиц считает, что неолиберальный рыночный фундаментализм всегда был политической доктриной, которая обслуживает определенные интересы и никогда не поддерживалась ни экономической теорией, ни историческим опытом [Stiglitz, s.a.]. Тем не менее рыночный фундаментализм в конце XX века был положен в основу тэтчеризма и рейганомики, которые привели к созданию “гремячей смеси”, взорвавшей глобальную экономику. По признанию журнала “Telos”, “экономический спад в Соединенных Штатах является признаком глубокого кризиса неолиберального капиталистического порядка, который поддерживали различные американские администрации” [Auer, 2010: p. 181].

Квинтэссенция *laissez faire* состоит в том, что правительственная политика разрешает частнокапиталистическому бизнесу самостоятельно определять свое поведение, а это, предположительно, позволяет потребителям и производителям выбирать правильные решения. Такая позиция государства в отношении бизнеса целиком и полностью соответствовала в 1970-е годы интересам крупного монополистического капитала, обеспокоенного падением прибылей после окончания лучших послевоенных времен. Как капиталистический классовый проект неолиберализм отрицает послевоенное полагание на социализацию экономической активности [O’Connor, 2010: p. 710]. Поэтому принцип *laissez faire* был положен в основу неолиберальной политики на Западе при активном продвижении его в экономическую практику западной “экономикс”. Внедрение неолиберализма в хозяйственную деятельность в развитых и развивающихся странах осуществлялось вопреки предупреждению классика экономической социологии Карла Полањи о неизбежных тягчайших последствиях превращения всего и вся в объект купли-продажи и разъединения социальной и экономической сфер общества.

“Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным

судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество ... Лишенные предохраняющего заслона в виде системы культурных институтов, люди будут погибать вследствие своей социальной незащищенности; они станут жертвами порока, разврата, преступности и голода, порожденных резкими и мучительными социальными сдвигами. Природа распадется на составляющие ее стихии; реки, поля и леса подвергнутся страшному загрязнению; военная безопасность государств окажется под угрозой; страна уже не сможет обеспечивать себя продовольствием и сырьем” [Поланьи, 2002: с. 87–88], — предостерегал нас К.Поланьи в своей книге “Великая трансформация”, вышедшей в свет еще в 1944 году.

Это предвосхищение К.Поланьи доказало свою истинность на всех этапах неолиберальной трансформации рыночной экономики, особенно в период нынешнего первого глобального финансово-экономического кризиса, который по своей тяжести и продолжительности может превзойти Великую депрессию 1929–1933 годов, поставившую тогда под сомнение дальнейшее существование капиталистической системы. Важную роль в нейтрализации этой угрозы сыграло в те годы кейнсианство, ставшее в какой-то мере “смирительной рубашкой” для большого бизнеса (в первую очередь для спекулятивного капитала) и в определенной мере “спасательным поясом” для ее жертв в лице миллионов безработных и голодных. В поисках выхода из нынешнего кризиса зодчие капиталистической экономики вновь обратились к кейнсианской теории, однако превратили ее в “спасательный пояс” для обанкротившихся крупных банков, получающих сегодня многомиллиардные вливания от правительств, и в “смирительную рубашку” для жертвы кризиса — трудового народа, который правительства призывают “потуже затянуть пояса” во имя преодоления спада.

Сегодня общепризнано, что неолиберальный вариант экономического развития завел глобальную экономику в тупик, что в основе банкротства этой модели лежит то, что неолиберализм переносит ответственность за воздействие рыночной системы на общество с правительств на сами рынки [Albrow, s.a.]. Тем не менее кормчие неолиберализма не собираются сдавать его в исторический архив. В подтверждение этого можно сослаться на призывы ряда глав ведущих западных держав сохранить *laissez faire* в первоизданном виде в посткризисные времена. Эти воззвания уже прозвучали с трибун многих экономических форумов, в том числе саммитов стран “большой двадцатки” — G-20. “Мантра о свободных рынках, свободных предприятиях и свободной торговле, которую Джордж У. Буш повторил на открытии первой встречи лидеров G-20 в ноябре (2008 года. — А.А.) в Вашингтоне, была прямым цитированием из речи Рональда Рейгана на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в середине 1980-х годов” [Albrow, s.a.]. Нежелание капитала расстаться с *laissez faire* делает сегодня исследование роли неолиберализма в современной экономике особенно актуальным не только в академическом, но и в практическом смысле. Ибо дальнейшее следование в русле политики “пусть делают, что хотят” таит в себе угрозу, как предупреждал К.Поланьи, “уничтожить человеческое общество” в обозримом будущем.

“Конец истории”, провозглашенный американским философом Фрэнсисом Фукуямой в начале 1990-х годов в связи с мнимым торжеством нео-

либерального капитализма, не состоялся. Вместо этого мир капитала столкнулся с жестоким системным кризисом, которому пока не видно конца. “В то время как мир находится на распутье перед попытками или спасти “состряпанный на скорую руку” неолиберальный порядок от его собственного самообразующегося кризиса, или же рассмотреть реальные альтернативы, ученым в области социальных наук важно быть на переднем фронте этих дебатов, предоставлять доказательства и исследования, которые могут информировать о возникновении более социально (и инвайроментально) выгодных социально-экономических порядков” [Bone, 2010: p. 718]. В этом контексте аргументированное разоблачение неолиберального порядка, навязанного народам мира правящими олигархическими кланами в XX веке, является первым важным шагом на пути к поиску альтернативной модели развития в XXI веке.

Истоки становления неолиберализма в западной “экономикс” и экономике

Идеологическое становление неолиберализма тесно связано с именем австрийского экономиста Фридриха фон Хайека, создавшего в 1947 году в Швейцарии Общество Мон-Перелин (по названию популярного местного курорта). Активное участие в разработке неолиберальной “теории” в рамках этого Общества, которое с момента его учреждения до 1960 года возглавлял Ф. фон Хайек, принимали американский философ Карл Поппер, австро-американский экономист Людвиг фон Мизес, американский экономист Милтон Фридман. По словам итальянской исследовательницы Стефани Мадж, “Хайек и его коллеги помогли создать трансатлантическое свободно-рыночное движение, которое охватило академический и неакадемический миры” [Mudge, 2008: p. 712]. С помощью Ф.Хайека были учреждены Институт экономических отношений при Лондонской школе экономики в 1955 году, Институт Фрейзера в Ванкувере в 1974 году, Фонд экономических исследований “Атлас” в Арлингтоне в 1981 году и другие неолиберальные центры.

Справедливости ради следует отметить, что вначале идейные установки неолибералов не пользовались популярностью в научных кругах, но они быстро получили признание в среде крупного бизнеса в англосаксонских странах, обеспокоенного возрастанием роли кейнсианства и государства в экономике, ростом корпоративных налогов и падением корпоративных прибылей, подъемом профсоюзного, “нового левого” студенческого и антивоенного движений в мире капитала в конце 1960-х — начале 1970-х годов. В связи с этим эпицентр неолиберализма переместился в Чикагскую школу экономики во главе с М.Фридманом, которую ее критики рассматривают как “ядро большого неолиберального идеологического и политического проекта, ставшее пристанищем перепроектирования государства в интересах капитала на протяжении более чем трех последних десятилетий” [Jones, 2010: p. 138]. Названная школа также широко известна сегодня в мире как инкубатор по выращиванию “чикагских мальчиков”, пустивших под откос не одну страну, в том числе и в “постсоциалистическом” пространстве, в ходе проведения радикальных неолиберальных экономических реформ. “Фридман и его учитель Фридрих Хайек заботливо хранили пламя чистого капитализма, не запятнанного кейнсианскими попытками собрать общественное богатство, чтобы по-

строить более справедливое общество” [Кляйн, 2009: с. 34], — пишет канадский социолог, известная феминистка и альтерглобалистка Наоми Кляйн.

Во второй половине XX века либерализм совершил значительную эволюцию, которая четко просматривается на уровне политической институционализации доминирующих школ экономической мысли. После Второй мировой войны на Западе возник ряд международных политических организаций, основанных на принципах либерализма. К ним относятся прежде всего Либеральный интернационал (ЛИ — основан в 1947 году), Социалистический интернационал (СИ — 1951), Центристский демократический интернационал (ЦДИ — 1961) и Международный демократический союз (МДС — 1983). Последний был образован при активном участии премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, вице-президента США Джорджа Буша-ст., президента Франции Жака Ширака и федерального канцлера ФРГ Гельмута Коля, которые провозгласили его Интернационалом Свободы. Идеологические отличия старого и нового либерализма хорошо видны при сопоставлении заявлений о миссии ЛИ и МДС (табл. 1). Если первый наряду с рынками делает ударение на защите общин, борьбе с бедностью и установлении социальной справедливости, то второй подчеркивает значение основных ценностей неолиберализма — свободного предпринимательства, свободной торговли, частной собственности, демократии, независимой судебной власти, ограниченного вмешательства правительства в экономику. В то же время он пронизан полурелигиозными заклинаниями, что является характерной чертой рыночного фундаментализма [Mudge, 2008: p. 716–717].

Испытательным полигоном для неолиберальной модели Фридмана стал Чили после военного переворота 11 сентября 1973 года, свержения конституционного правительства Сальвадора Альенде и установления власти военной хунты во главе с палачом чилийского народа генералом Аугусто Пиночетом. Выбор Чили для реализации этой цели не в последнюю очередь был обусловлен тем, что в 1948 году эта страна стала домом для Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну во главе с известным экономистом Раулем Пребишем. В рамках этой комиссии была разработана и успешно продвигалась модель импорто-замещающего развития, а также воспитана плеяда радикальных теоретиков экономической отсталости. Как пишет один из исследователей смены девелопментализма радикальными рыночными реформами в Латинской Америке Курт Уэйлэнд, последние проводились в Чили в условиях насилия и показали несовместимость демократии и неолиберализма. “Демократии избежали бы болезненного структурного приспособления, но там, где внешнее давление, особенно со стороны Международного валютного фонда и Всемирного банка, заставляло их вводить неолиберализм, они могли делать это только прибегая к репрессиям, превращая таким образом демократии в авторитарные режимы” [Weyland, s.a.], — отмечает он.

Воплощение в жизнь “чилийского проекта” как ползучей контрреволюции против девелопментализма началось задолго до переворота в 1973 году. За 10 лет до этого 12 из 13 штатных сотрудников экономического факультета Католического университета Сантьяго были укомплектованы выпускниками Чикагского университета, которые были “бóльшими приверженцами учения Фридмана, чем сам Фридман”. Именно выпускники этого факультета вместе с командированной в Чили командой “чикагских мальчиков” заня-

лись радикальным изменением развития страны в соответствии с фридмановскими доктринами неолиберализма. К этому следует добавить, что свыше 75% финансирования, как показало расследование Сената США, “исследовательская организация оппозиции” получала непосредственно от ЦРУ. Продвижение неолиберальной идеологии из США в Чили Н.Кляйн называет “откровенной формой интеллектуального империализма” [Кляйн, 2009: с. 90], которая принесла неисчислимые бедствия и страдания чилийскому народу.

Таблица 1

**Заявления о миссии либерального интернационала (ЛИ)
и Международного демократического союза (МДС)**

ЛИ	МДС
<p>Либералы преданы делу построения и защиты свободных, справедливых и открытых обществ, в которых они стремятся сбалансировать фундаментальные ценности свободы, равенства и государства и в которых никто не будет поработан бедностью, невежеством и подчинением.</p> <p>Либералы выступают в защиту свободы, достоинства и благополучия индивидов.</p> <p>Мы признаем и уважаем право свободы совести и право каждого развивать свои таланты в полной мере.</p> <p>Мы преследуем цель рассредоточения власти, поощрения разнообразия и воспитания креативности.</p> <p>Свобода креативности и инновационности может обеспечиваться только рыночной экономикой, и именно рынок должен предлагать людям реальные выборы.</p> <p>Это означает, что мы не хотим ни рынка, где свобода ограничивается монополиями, ни экономики, не связанной с интересами бедных и государства в целом.</p> <p>Либералы являются искренними оптимистами и верят людям, в то же время они признают необходимость быть всегда бдительными в отношении тех, кто находится у власти.</p>	<p>Мы являемся центристскими, правоцентристскими, христианско-демократическими и консервативными партиями.</p> <p>Мы отражаем всемирное разнообразие и едины в понимании ценностей, в защиту которых мы выступаем.</p> <p>Наше общее видение — свободные, справедливые и благотворительные общества.</p> <p>Мы воспринимаем ценность традиций и врожденного благоразумия.</p> <p>Мы ценим свободно избранные правительства, основанную на рынках экономику и свободу для всех граждан.</p> <p>Мы будем защищать наши народы от тех, кто проповедует ненависть и вынашивает планы уничтожить наш образ жизни.</p> <p>Свободное предпринимательство, свободная торговля и частная собственность являются краеугольными камнями свободных идей и креативности, так же как и материального благосостояния.</p> <p>Мы верим в справедливость с независимой судебной властью.</p> <p>Мы верим в демократию, в ограничение правительственного вмешательства и в сильное гражданское общество. Мы рассматриваем их как универсальные идеи.</p> <p>Стремление к свободе не является специфической чертой народа какого-нибудь континента, региона, страны, расы или религии — это требование всего человечества.</p> <p>Это также является вдохновляющей идеей, лежащей в основе Международного демократического союза.</p>

События 11 сентября 1973 года дали “зеленый свет” неолиберальным экспериментам в Чили. В результате страна погрузилась в пучину государственного террора и неолиберальной контрреволюции. В первые полтора

года своего правления Пиночет приватизировал некоторые госбанки и компании, устранил все барьеры и широко открыл границы для иностранного импорта, сократил правительственные расходы (не трогая, конечно, разбухшие военные затраты) на 10%, упразднил контроль над ценами, в том числе на предметы первой необходимости. Однако равновесие, обещанное стране “чикагскими мальчиками”, в экономике так и не было восстановлено, инфляция в 1974 году достигла 375%, что вдвое превысило ее высший уровень при С.Альенде. Претензии “чикагской школы” на “просперити” с помощью неолиберальных реформ обернулись для миллионов чилийцев кошмаром, который бывший выпускник этой школы Андре Франк назвал “экономическим геноцидом в Чили”. При этом он отмечал, что в действительности инфляция в первые годы правления военной хунты зашкалила за 500%, а на предметы первой необходимости приблизилась к 1000% (см.: [Кляйн, 2009: с. 110–111; Харви, 2007: с. 18–20]).

На спасение чилийского эксперимента были брошены столпы американского монетаризма М.Фридман и А.Харбергер, прибывшие в марте 1975 года в Сантьяго с целью введения “шоковой терапии”. По их совету команда Пиночета занялась демонтажем социального государства, к 1980 году они сократили общественные расходы на 50% по сравнению с периодом правления С.Альенде. Рецепты М.Фридмана были настолько мучительны, что их было невозможно “внедрить или выполнить без двух элементов, на которые они опираются: без военной силы и политического террора” [Кляйн, 2009: с. 117]. И то, и другое применялось с первого дня переворота, в результате чего в Чили пропали без вести или были казнены около 3200 людей, 80 тыс. чел. были брошены в тюрьмы, 200 тыс. покинули родину по политическим причинам [Кляйн, 2009: с. 107]. Многие исследователи “чилийского чуда” считают приведенное число жертв военной хунты заниженным, так как Пиночет и его генералы тщательно скрывали следы своих преступлений от мировой общественности.

Лечение чилийской экономики в соответствии с рецептами М.Фридмана дорого обошлось чилийскому народу. В 1982 году экономика страны находилась на грани полного краха, национальные долги выросли до невероятных размеров, страну разъедала гиперинфляция, безработица достигла 30%, что было в 10 раз больше по сравнению с эпохой С.Альенде. Во избежание экономической катастрофы Пиночету пришлось пойти на реализацию мер, которые в свое время успешно апробировал С.Альенде, например, национализировать многие из приватизированных ранее компаний. Стабилизация экономической ситуации в стране, названная впоследствии “экономическим чудом”, была достигнута не благодаря неолиберальным реформам, а в результате трансформации режима Пиночета в корпоративистское полицейское государство. Но это “чудо” ничего не дало чилийскому народу, кроме перераспределения национального богатства в пользу богатых. По данным ООН, в 2007 году Чили находилось на 116-м месте в списке из 123 стран, отличающихся значительным социальным расслоением [Кляйн, 2009: с. 118–120]. Тем не менее чилийский опыт проведения неолиберальных реформ использовался “чикагскими мальчиками” в Бразилии, Уругвае, Аргентине и других латиноамериканских странах, а затем в англосаксонских и европейских странах.

Неолиберальная экономика обрела “второе дыхание” на Западе после прихода к власти Р.Рейгана в США и М.Тэтчер в Великобритании, которые видели в использовании неолиберальной парадигмы единственный путь к решению проблемы капиталистического накопления. Наряду с фридманистами новым экономическим гуру того времени стал один из влиятельных идеологов рейганизма, руководитель отдела Международного центра изучения экономической политики Джордж Гилдер. Его книга “Богатство и бедность” (1981) на все лады воспевала преимущества свободного капитализма и *экономической теории предложения* и вскоре стала “капиталистическим манифестом “новых правых” (см.: [Gilder, 1981]). По словам историка американского капитализма У.Велса, “подход “теории предложения” развернул экономику как дисциплину в новом направлении или, по крайней мере, в направлении, которое в значительной степени игнорировалось на протяжении нескольких десятилетий” [Wells, 2003: p. 111].

Вопреки обещаниям “рейгановской революции” привести страну к “более светлому будущему”, США в результате неолиберальных рыночных реформ стали, как отмечают американские СМИ, социализмом для богатых и капитализмом для бедных. Иначе и быть не могло, ибо, как подчеркивает американский историк Говард Зинн: “При президентах Р.Рейгане и Дж.Буше-старшем эта забота об экономике, как корректно называли прибыли корпораций, преобладала над любыми заботами об интересах трудящихся или потребителей” [Зинн, 2006: с. 704]. Г.Зинну вторит другой историк Дэниел Макинерни, который пишет: “В экономическом плане Рейган ратовал за либерализацию частного предпринимательства и сворачивание программы построения государства всеобщего благосостояния” [Макинерни, 2009: с. 623]. Достижения “новых правых” в восстановлении экономики США в 1980-е годы не были такими весомыми, как это зачастую утверждают адепты рейганизма. По признанию историка Алана Бринкли: “К концу десятилетия промышленность находилась в состоянии хаоса. И правительство было вынуждено вмешиваться в ее дела, чтобы предотвратить полный коллапс” [Brinkley, 1997: p. 920]. Значительное снижение уровня инфляции, которое администрация Дж.Буша-ст. может записать себе в актив, “было достигнуто за счет сокращения бюджетных расходов на социальные программы и проведения рейганистами политики “социального реванша”, которая позволила заморозить рост реальной заработной платы” [Гарбузов, 2008: с. 445].

Примерно в таком же антинародном ключе осуществлялась неолиберальная революция и в других западных странах. В еще более тяжелых формах она проводилась в странах “третьего мира” и с “переходной экономикой” после демонтажа социализма в Восточной Европе и СССР и перевода бывших советских республик на рельсы капиталистического развития, что положило начало утверждению неолиберализма в планетарном масштабе и многим социально-экономическим катаклизмам. Характеризуя этот сложный процесс, российский исследователь Виктор Мартьянов пишет: “Трудно объяснить вытеснение одной универсальной теории другой иначе как поражением СССР в холодной войне, когда теория демократического транзита за неимением лучшего просто заняла место транзита коммунистического. Однако вскоре выяснилось, что светлый путь к “общечеловеческой” либеральной демократии также оказался с “двойным дном” [Мартьянов, 2010:

с. 44]. Ожидать чего-то лучшего от западной “транзитологии” было бы наивным с учетом движущих сил “глобального неолиберального порядка”.

Движущие силы “глобального неолиберального экономического порядка”

Решающую роль в глобализации неолиберальных реформ сыграло разрушение мировой социалистической системы и превращение США в единственную сверхдержаву с претензией на мировое господство. “Рынок политических идей Восточной Европы, внезапно открытый в 1989 году, тут же оказался захвачен англо-американской продукцией под либеральным брендом” [Gowan, 1995: р. 3]. Не менее важную роль в этом отношении сыграло и превращение Всемирного банка и Международного валютного фонда в “бульдогов неолиберальной идеологии” [Walker, 2008: р. 104], наделение их особыми полномочиями в насаждении неолиберализма в глобальном масштабе. По словам исследователей неолиберализма Жерара Дюмениля и Доминика Леви, ВБ и МВФ “стали агентами распространения неолиберального порядка по всему миру, озабоченными тем, чтобы региональные потрясения не поставили под угрозу стабильность в центре” [Дюмениль, 2005: с. 74]. С этой целью американским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 году были выдвинуты 10 рекомендаций по реформированию экономик разных стран в неолиберальном ключе. Они были разработаны для стран Латинской Америки, Азии, Восточной Европы и стран СНГ и получили название “Вашингтонский консенсус”, который стал основой для проведения одного из самых жестоких экспериментов над живыми людьми, особенно в развивающихся и “постсоциалистических” странах.

Квинтэссенция “Вашингтонского консенсуса” сводится к следующим требованиям [Валянский, 2005: с. 270–271]:

- 1) бюджетная дисциплина (большой и устойчивый бюджетный дефицит способствует инфляции и бегству капитала; следовательно, правительства должны удерживать его на минимальном уровне);
- 2) приоритетность общественных расходов (субсидии должны быть сокращены или отменены вовсе; правительственные затраты должны быть перенаправлены на образование, здравоохранение и развитие инфраструктуры);
- 3) налоговая реформа (база налогообложения “должна быть широкой”, и предельные ставки налогов “должны быть умеренными”);
- 4) процентные ставки (внутренние финансовые рынки должны определять размеры процентных ставок данной страны; позитивные реальные ставки процента препятствуют бегству капитала и увеличивают накопления);
- 5) обменные курсы валют (развивающиеся страны должны принять “конкурентные” обменные курсы, которые будут стимулировать экспорт);
- 6) либерализация торговли (тарифы должны быть минимизированы и никогда не должны применяться по отношению к промежуточным товарам, необходимым для производства экспорта);

- 7) прямые иностранные инвестиции (зарубежные капиталовложения могут принести необходимый капитал и квалификацию и потому должны поощряться);
- 8) приватизация (частная промышленность функционирует более эффективно, поскольку управляющие или “имеют прямую личную долю в прибылях предприятия”, или “подотчетны тем, кто ее имеет”; государственные предприятия следует приватизировать);
- 9) дерегулирование (избыточное правительственное регулирование может способствовать коррупции и дискриминации более мелких предприятий, не располагающих широким доступом к высшим эшелонам бюрократии; правительства должны дерегулировать экономику);
- 10) права собственности (права собственности должны быть укреплены; слабые законы и плохая правовая система снижают стимулы к накоплению и аккумуляции богатства).

Исходя из этих постулатов, МВФ считает, что в *структурной перестройке* нуждаются страны, имеющие большой дефицит платежного баланса, большой внешний долг, завышенный курс национальной денежной единицы и большие общественные расходы и фискальный дефицит. *Наиболее типичными целями программ структурной перестройки* являются реструктурирование и диверсификация производственной основы экономики, достижение равновесия платежного баланса и финансов, создание базы для неинфляционного роста, повышение эффективности общественного сектора, стимулирование роста потенциала частного сектора. Для достижения этих целей МВФ требует от стран, претендующих на получение займов, осуществления следующих *экономических реформ*: ограничение роста денег и кредитов, девальвация национальной денежной единицы, реформирование финансового сектора, реализация мероприятий по генерированию доходов, обеспечение мер по сбору денежных средств с индивидов, домохозяйств и деловых единиц за проданные товары и услуги, реформирование налогового кодекса, упразднение субсидий, особенно на продовольствие, введение компенсаторных программ занятости, создание доступных служб для бедных. Наряду с этим МВФ настаивает на проведении этими странами *реформ по либерализации торговли*, которые сводятся к устранению высоких тарифов и импортных квот, восстановлению экспортной инфраструктуры, увеличению цены производителей. МВФ также требует в *сфере правительственных реформ* сокращения сумм, которые выплачиваются служащим; приватизации госпредприятий; реформирования публичных администраций и институтов. В *области политик частного сектора* МВФ призывает либерализовать контроль над ценами и положить конец правительственным монополиям [Mingst, 1999: p. 220].

Реализация этих мер, по мнению МВФ, должна привести к сокращению пропасти между бедным Югом и богатым Севером. В действительности ничего подобного не происходит, поляризация между ними неуклонно растет и достигла апогея на пороге XXI века. В 2004 году разрыв между группой стран с высоким уровнем доходов, где проживает “золотой миллиард” планеты (1004 млн чел., или 15,8% населения Земли), и группой стран с низким уровнем доходов, где сосредоточен “полюс бедности” (2343 млн чел., или 36,8% населения мира), по объему ВВП составил 27 раз, по ВВП на душу населения — 63,3 раза, по доле в объеме экспорта товаров — 31,3 раза, по ры-

ночной капитализации активов — 786,5 раза, по затратам на здравоохранение на душу населения — 115 раз [Кузык, 2007: с. 7]. Как отмечает директор американской общественной организации “War on Want” Джон Хилари, условия предоставления помощи ВБ — МВФ странам Африки привели к потере ими двух десятилетий в 1980–1990-е годы в плане развития. В 1980-е годы 3 из 4 африканских стран, которые подверглись экономическому реструктурированию со стороны ВБ — МВФ, испытали падение доходов в расчете на душу населения. “От зависимых от помощи стран требовали претворения в жизнь Вашингтонского консенсуса посредством осуществления таких свободнорыночных реформ, как либерализация торговли и приватизация находящихся в государственной собственности предприятий и коммунальных услуг несмотря на понимание ущерба, который эти политики могут причинить их экономикам и, особенно, уязвимым частям населения” [Hilary, 2010: p. 80–81], — пишет Дж.Хилари. В этом контексте он отмечает, что “Неоколониализм присутствует в политике свободного рынка в такой же степени, как и в условиях оказания помощи Всемирным банком и МВФ” [Hilary, 2010: p. 83]. Экспансия “нового глобального неолиберального экономического порядка” под эгидой ВБ — МВФ сопровождается дальнейшим расслоением между бедными и богатыми и в бедных, и в богатых странах, где богатые богатеют, а бедные беднеют. По данным на начало 2011 года, всего 1% жителей Земли владеет сейчас 43% находящегося на планете имущества. За последние годы доходы 0,01% богатейших людей планеты повысились настолько, что если 30 лет назад они превышали доходы беднейших 90% почти в 200 раз, то теперь превышают их более чем в 1000 раз. Из-за уменьшения реальной средней заработной платы к началу 2011 года существенно сократился средний класс в развитых капиталистических и в развивающихся странах [СМИ, s.a.].

Второй стороной учреждения “глобального неолиберального экономического порядка” служит ВБ, который предлагает государствам проекты экономического развития и сужает денежные средства на их осуществление. Насколько действенной была помощь ВБ беднейшим и наименее развитым странам (НРС), можно судить на основании данных, опубликованных недавно Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В ее докладе отмечается: “В последние три десятилетия НРС следовали стратегии развития, призванной высвободить творческий потенциал рыночных сил в результате ограничения роли государства в процессе развития ... Это ясно показало, что рынки могут быть не только созидательной, но и разрушительной силой” [United Nations, 2010: p. 1]. В подтверждение этого вывода авторы обзора ЮНКТАД ссылаются на то, что в последнее десятилетие только две страны смогли выйти из группы НРС, и, наоборот, количество стран, относящихся к НРС, удвоилось. НРС вступили в новый век примерно с тем же уровнем реального душевого дохода, который они имели в 1970 году. После этого их душевой ВВП существенно вырос в реальном выражении, однако разрыв между ними и другими развивающимися странами продолжал возрастать. В 2007 году 53% населения НРС жили в крайней бедности (меньше чем на 1,25 долл. в день), а 78% — меньше чем на 2 долл. в день. Всего в этом году в НРС в нищете жили 421 млн чел. Число людей, живущих в нищете, в НРС продолжало возрастать последние 20 лет, в том числе в ходе экономического бума. К 2007 году оно в два раза превысило показатели

1980 года. “За последнее десятилетие в осмыслении проблем развития произошел ощутимый сдвиг, в частности после глобального финансового и экономического кризиса, когда все активнее ведется поиск новой парадигмы развития, призванной сменить Вашингтонский консенсус ... Новая парадигма уже не отдает приоритета частному сектору и рыночным силам за счет государственного сектора и роли государства, равно как и не ставит торговлю выше производства” [United Nations, 2010: p. 4], — отмечается в докладе ЮНКТАД.

Третьей стороной учреждения глобального неолиберального экономического порядка является Всемирная торговая организация (ВТО), которая унаследовала либеральные принципы Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ). Эти принципы заключаются в поддержке либерализации торговли как двигателя экономического роста; исключение дискриминации в торговле посредством предоставления статуса наиболее благоприятствуемой нации своим торговым партнерам; эксклюзивное использование тарифов как механизмов для защиты внутренних рынков; привилегированный доступ на рынки развитых стран продукции из стран Юга с целью стимулирования экономического развития Юга. Однако несмотря на то, что ГАТТ — ВТО провозглашают своей целью либерализацию международной торговли и снижение торгово-политических барьеров, и не взирая на то, что ВТО обладает более сильными и обширными полномочиями в принудительном претворении в жизнь своих решений и имеет более многочисленную международную бюрократию для имплементации своих постановлений по сравнению с ГАТТ, эта организация все больше превращается в “улицу с односторонним движением”, так как больше защищает интересы Севера за счет принесения в жертву интересов Юга. Поэтому “развивающиеся страны должны добиваться, чтобы улучшения в области облегчения торговли осуществлялись за счет национальных усилий при технической поддержке извне, а не путем навязывания новых обязательств в рамках ВТО” [Стиглиц, 2007: с. 256]. О необходимости решения этой задачи также говорит заслуженный профессор Городского университета Нью-Йорка Дэвид Харви: “Свободная торговля и открытые рынки капитала стали главными средствами получения преимуществ монопольными силами, которые базируются в развитых капиталистических странах и уже занимают господствующее положение в торговле, производстве, услугах и финансах в пределах капиталистического мира” (цит. по: [Hilary, 2010: p. 83]).

Не менее важной стороной создания “глобального неолиберального экономического порядка” наряду с ВБ — ВМФ — ВТО являются транснациональные корпорации и банки (ТНК и ТНБ). Они вышли на международный рынок после Второй мировой войны, но стали быстро расти именно в неолиберальное тридцатилетие. Для повышения своей конкурентоспособности в глобальном пространстве ТНК в последнее время все чаще переносят производство в развивающиеся и бывшие социалистические страны, за что в странах базирования своих штаб-квартир, которые лишаются все большего количества рабочих мест, получили название “убегающих корпораций”. Страны “третьего мира” и с “переходной экономикой” служат притягательным магнитом для ТНК, так как в них есть дешевая рабочая сила и дешевое сырье, а законодательство в области охраны окружающей среды и государственного регулирования социально-трудовых отношений, как пра-

вило, является не обременительным для ТНК или же может изменяться по требованию ТНК. Мощным локомотивом, прокладывающим путь ТНК в эти страны, служит неолиберальная политика западных государств и международных финансовых и торговых институтов, направленная на либерализацию производства и торговли, снятие барьеров на пути движения капиталов. Таким образом, эта политика, с одной стороны, содействует глобальной экспансии развитых капиталистических государств, с другой стороны, гальванизирует отсталость стран, принимающих ТНК. В результате этого ТНК стали главной движущей силой неолиберальной глобализации.

ТНК считаются корпорации, которые контролируют экономическую деятельность в двух или более странах мира, извлекают пользу из сравнительных преимуществ между странами, обладают географической эластичностью (способностью перемещать свои ресурсы и операции между различными местностями в глобальном пространстве), оперируют большими уровнями финансовых, комплектующих и эксплуатационных потоков между различными подразделениями ТНК, чем потоки внутри данной страны, оказывают значительное экономическое и социальное влияние на глобальном уровне [Cohen, 2010: p. 121]. В 2007 году в мире насчитывалось примерно 79000 ТНК и 790 тыс. их иностранных филиалов (в 1970 году в мире было всего 7000 ТНК). Суммарный объем их прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в том же году превысил 15 трлн долл., а совокупный объем продаж ТНК составил 31 трлн долл., или на 21% больше по сравнению с 2006 годом. По оценкам ЮНКТАД, объем добавленной стоимости (или валовой продукции) иностранных филиалов ТНК во всех странах мира составил 11% от мирового ВВП, а число работников в них возросло приблизительно до 82 млн чел. Верхние позиции в списке 25 крупнейших нефинансовых ТНК в мире занимают такие гигантские компании обрабатывающей и нефтяной промышленности, как “Дженерал Электрик”, “Бритиш петролеум”, “Шелл”, “Тойота”, “Форд”. На протяжении последнего десятилетия неуклонно укрепляли свои позиции ТНК сферы услуг: в 1997 году в списке 100 крупнейших ТНК фигурировало всего семь таких компаний, в 2006 году — 20. В 2006 году значительно активизировалась деятельность 100 крупнейших ТНК, показатели зарубежных продаж и численности работников за границей названных ТНК повысились по сравнению с 2005 годом соответственно почти на 9% и 7%. [World Investment Report, 2008: p. 3–4]. Для получения представления об экономическом могуществе и глобальной власти ТНК достаточно вспомнить о том, что половину крупнейших экономик в мире сегодня составляют не государства, а ТНК. Они играют ключевую роль в создании взаимозависимой мировой экономики, так как в своей производственной, инвестиционной и финансовой деятельности они исходят из неолиберальных, а не национальных интересов. Доминирующие в мировой экономике ТНК являются в основном национальными по капиталу и глобальными по сфере деятельности, что позволяет им оказывать мощное не только экономическое, но и политическое давление на страны и регионы, в которых они хозяйничают.

В погоне за прибылями ТНК все чаще переносят центр тяжести в своей деятельности в “постсоциалистические” страны. С этой целью ими внедряются в практику новейшие механизмы прямых капиталовложений на исключительно выгодных для инвесторов условиях. “ТНК не обременены национальным багажом. Они не скрывают свои мотивы извлечения прибыли.

Они путешествуют, устанавливают связи, перемещают людей, заводы и фабрики, информацию и технологии, деньги и ресурсы в глобальном масштабе. ТНК совершенствуют и осуществляют колониальные цели с большей эффективностью и рационализмом” [Miyoshi, 1993: p. 748]. В результате, как отмечают многие западные исследователи, в настоящее время пот, слезы и кровь, опасные, дымные и грязные производства стремительно перемещаются с “глобального Севера” на “глобальный Юг”, где с помощью местной компрадорской буржуазии для ТНК создаются благоприятные режимы накопления в ущерб интересам стран “третьего мира” и с “переходной экономикой”. ТНК рассматриваются в западной социологии как “один из важнейших агентов глобализации отчасти потому, что они обеспечивают институциональную структуру для быстрой интернациональной мобильности капитала во всех его формах” [Gibson-Graham, 1996: p. 127]. В нынешний период все большей финансиализации экономики, когда деньги делают деньги, минуя производство, именно в этом все больше заинтересованы ТНК и ТНБ.

Глобальная экспансия ТНК влечет за собой и позитивные, и негативные социальные последствия в принимающих странах. С одной стороны, они обеспечивают производство потребительских товаров, обучение и повышение квалификации местной рабочей силы, передачу относительно новых технологий. С другой стороны, ТНК ради максимизации своих прибылей игнорируют принципы “социальной ответственности бизнеса” и социально-экономические проблемы в принимающих странах. К этому следует добавить, что ТНК, как правило, вкладывают ПИИ не в те страны, где они больше всего нужны, а в те, где рассчитывают на получение наибольшей выгоды. В большинстве случаев это страны, обладающие богатыми сырьевыми ресурсами. “Современная корпорация — это форма социальной организации со специфической функцией, предназначенной для создания богатства для небольшой группы держателей акций и должностных лиц. Такая максимизация достигается посредством постоянно расширяющегося роста; люди и культуры превращаются в товар для реализации этой цели, огромные ущербы экстернализируются и обрушиваются на общество. Корпорации приравнивают капитал к доходу, социализируют риск неблагоразумных инвестиций и совершают тяжелые уголовные деяния ради поддержания доходов и прибылей” [Sovacool, 2010: p. 20–21], — подчеркивает научный сотрудник Национального университета Сингапура Бенджамин Совэкул.

В погоне за прибылью корпорации создают огромное экономическое неравенство. 100 крупнейших корпораций мира владеют сегодня примерно 80% мирового богатства. Весь ВВП всех стран Африки южнее Сахары меньше суммарного дохода корпораций “Дженерал Моторс” и “Форд”, а “Эксон-Мобил” является более крупной “экономикой”, чем экономики 180 стран мира. В США менее 1% населения владеют примерно половиной акций, выпущенных в обращение, и общего траст-фонда акций, двумя третями финансовых ценных бумаг и более чем третьей частью всего богатства страны. В 2007 году среднее корпоративное должностное лицо в 500 крупнейших американских компаниях получало жалование в размере 14,2 млн долл. США, что в 364 раза больше зарплаты среднего рабочего. Средний недельный заработок 80% американцев, принадлежащих к “среднему” и “более низким” классам, с 1973 года до 1995 года уменьшился на 18% (и продолжает снижаться), тогда как реальная годовичная плата американских корпоратив-

ных должностных лиц выросла на 20%. Концентрация богатства в руках немногих усилила глобальное неравенство. Общее богатство корпоративных миллиардеров выросло на 35% с 2006 до 2007 года, их доходы перевалили за 3,5 трлн долл. США. Доходы же 55% людей мира либо находились в состоянии стагнации, либо уменьшились. 100 млн мирового населения обладает сейчас большим богатством, чем 3 млрд людей. Самые богатые 20% населения мира получают 83% мировой общей суммы дохода, тогда как беднейшим 20% достается всего 1,4% мирового валового дохода [Sovacool, 2010: p. 11–12].

Неолиберализм *de facto* и *de jure* был кризисной теорией, ибо именно кризисы востребовали теорию и практику неолиберализма и оказали существенное влияние на его трансформацию. С этой точки зрения кризисы являются одним из главных двигателей становления, развития и изменения неолиберализма, который в 1940–1960-х годах представлял собой, с одной стороны, совокупность идей о свободном рынке, а с другой — стратегическую критику доминирующего кейнсианского порядка. “Данный проект обрел свою мощь во время структурных смещений и неудач макроэкономического регулирования 1970-х годов — то был момент кризиса, который неолиберализм предвкушал и который был просто *запрограммирован* использовать ... В эру Рейгана и Тэтчер, когда неолиберализм превратился в серию государственных проектов, повторяющиеся кризисы и провалы регулирования продолжили способствовать неравномерному, колебательному продвижению транснациональной неолиберализации. Кризисы вполне можно считать основными двигателями трансформации неолиберализма как гегемонного проекта: исторически и географически, социально и институционально *специфические* кризисы системы кейнсианского социального обеспечения и развития помогли установить социально-институциональные свай неолиберализма, а также пространство для его действия во время первых раундов споров, когда происходил откат кейнсианского проекта; кризисы же и противоречия, вызванные самим неолиберализмом, формировали имманентные кумулятивные циклы корректировки, реконструкции и реакции” [Пек, 2010: с. 120]. Все это наложило отпечаток на сущность неолиберализма.

Неолиберализм как он есть на изломе двух столетий

Среди множества определений неолиберализма в современной западной “экономикс”, на мой взгляд, его сущность достаточно полно раскрывается в дефиниции, которая гласит, что неолиберализм — это “гетерогенный комплекс институтов, состоящих из различных идей, социальных и экономических политик, а также способов организации политической и экономической активности ... В идеале он включает такие *формальные институты*, как сведенные до минимума программы государства благоденствия, налогообложения и регулирования бизнеса; гибкие рынки рабочей силы и децентрализованные отношения между капиталом и трудом, не обремененные сильными профсоюзами и системой коллективно-договорного регулирования заработной платы и других условий труда; а также отсутствие барьеров на пути международной мобильности капитала. Он включает институционализированные *нормативные принципы*, благоприятствующие скорее свободно-рыночным решениям экономических проблем, чем ведению переговоров или индикативному планированию, приверженность контролю инфляции даже за счет полной занятости. Он включает институционализированные *когнитив-*

ные принципы, в особенности глубокую, само собой разумеющуюся веру в неоклассическую экономику” (цит. по: [Mudge, 2008: p. 705–706]).

По мнению итальянской исследовательницы Стефани Мадж, неолиберализм — это своеобразная идеологическая система, сформировавшаяся в результате конфронтации и кооперации трех миров: интеллектуального, бюрократического и политического. Неолиберализм как интеллектуально-профессиональный проект является “нео” в трех смыслах: 1) он отличается одновременно и своей транснациональностью, и своей привязанностью к англо-американской академической школе; 2) его историческое выживание произошло в рамках капиталистических институтов благоденствия и на фоне раздела мира холодной войной; 3) он делает ударение на рынке как источнике и властителе прав, вознаграждений и свобод и отличается полным рыночным пренебрежением к политикам, бюрократиям и государству благоденствия. “Трансформация неолиберализма с изолированного набора интеллектуальных убеждений в полномасштабную руководящую силу началась с началом экономического кризиса, который ослабил существующие правительства и воспроизвел политическую элиту, приверженную различным системам мысли” [Mudge, 2008: p. 709], — пишет С.Мадж.

Во-вторых, неолиберальная политика осуществляется бюрократией как ряд реформ, направленных на обеспечение свободной конкуренции посредством устранения государства из сферы собственности, предотвращение участия политиков в реализации экономического управления дирижистского стиля, а также внедрение рыночной (или подобной рыночной) конкуренции в прежде “сакральные” институциональные пространства (например, в общественное образование). В связи с этим некоторые исследователи считают: “Фундаментальная роль рынка заklючается, согласно неолиберализму, не в простом обмене вещами, а скорее в обработке и передаче знания или информации” [Lave, 2010: p. 662]. Неолиберальные реформы проводились во всем мире в рамках “Вашингтонского консенсуса”, который состоит из таких пяти основных компонентов: *приватизация* общественных фирм; *отделение регулятивных полномочий* от исполнительной ветви власти, что включает создание политически независимого центрального банка; *деполитизация* экономического регулирования посредством изолирования политических властей от политического влияния; *либерализация* внутренней и международной экономики посредством открытия рынков для многочисленных поставщиков услуг. К этому необходимо добавить *монетаризм*, то есть манипулирование предложением денег [Mudge, 2008: p. 718–719].

Однако между неолиберальной теорией и практикой существует значительный разрыв. Это касается прежде всего роли государства, которое “играет активную, в действительности активистскую роль во внедрении, претворении в жизнь и воспроизводстве неолиберализма” [Cahill, 2009: p. 13]. Более того, утверждение тэтчеризма и рейганизма не привело к уменьшению веса государства в экономике. “Доля государственного сектора в общей экономической активности либо осталась неизменной (около 35–40% ВВН), либо, как в Соединенном Королевстве, даже увеличилась почти до 45%. Вместо “возвращения на более низкий уровень государства”, как обещали Тэтчер и Рейган, неолиберализм расширил государственное регулирование недавно приватизированных коммунальных предприятий и других частей экономики” [Pabst, 2010: p. 47]. В этом контексте требования ведущих западных государств приватизировать все и вся и превратить государство в “ноч-

ного сторожа” в бывших социалистических странах еще раз подтверждают, что в этом отношении наши заокеанские “наставники” руководствуются принципом “делайте не так, как делаем мы, а так, как мы вам говорим”.

В-третьих, многие исследователи капитализма рассматривают последние десятилетия XX века как новую политическую эру, обусловленную политическим возрождением прежде маргинальной свободно-рыночной мысли. В результате этого президент США Билл Клинтон в 1996 году подписал билль, который “положил конец социальному обеспечению, каким мы его знали”, премьер-министр Великобритании Тони Блэр высказался в пользу развития общественно-частного партнерства и лично надзирал за введением платы за обучение в 1997 году, Германия и Нидерланды осуществили реформы по дерегулированию рынка рабочей силы соответственно в 1990-е и 2000-е годы. Их примеру последовали другие европейские страны, независимо от того, кто в данный момент находился у власти — консерваторы, либералы или социал-демократы. Поэтому, по мнению С.Мадж, “неолиберальная политика заслуживает такого же аналитического внимания, как и два других лица неолиберализма” [Mudge, 2008: p. 723]. Как отмечает профессор Чикагского университета Джин Комарофф, неолиберализм подрывает не только опыт унитарной политической общины, связанной пространством-временем нации, но также и современную идею “общества”, которая предполагает подобную территориальную архитектуру и территориальную целостность организации [Comaroff, 2009: p. 24].

В интерпретации Ж.Дюмениля и Д.Леви, неолиберализм имеет два определения — узкое и широкое. *В узком смысле* термин “неолиберализм” может использоваться для характеристики направления развития политики в мире капитала в 1980–1990-х годах, которая была попыткой капиталистического класса в союзе с высшим государственным руководством восстановить свою власть и доход после их сокращения на протяжении нескольких послевоенных десятилетий. *В более широком смысле* термин “неолиберализм” может использоваться для определения нового капитализма, который приобрел некоторые устойчивые особенности и характеристики в результате восстановления власти и дохода класса капиталистических собственников в контексте развитого управленческого капитализма. Последний является результатом передачи управления в корпорациях большому пирамидальному штату управленческого и конторского персонала [Дюмениль, 2005: с. 64, 69]. Однако, как отмечают названные авторы, “Соединенные Штаты не доказали способность неолиберализма добиться роста, потому что нет устойчивого накопления и потому что многие достижения США могут быть связаны с их мировой гегемонией, а не с их сравнительными успехами в следовании неолиберальному курсу [Дюмениль, 2005: с. 79]. В развивающихся странах неолиберальные программы в лучшем случае дали положительный краткосрочный эффект, но в более долгосрочной перспективе потерпели поражение. Ряд исследователей считают, что половина стран, которым МВФ оказал финансовую поддержку, не улучшили свое положение в результате осуществления реформ, а остальные еще больше ухудшили свое положение, причем часть из них стали жертвой Азиатского кризиса [Лопатина, 2010: с. 65].

Деятельность ВБ — МВФ на поприще реализации неолиберальных рыночных реформ в развивающихся странах в конце XX века в такой мере скомпрометировала себя, что эти международные финансовые институты

стали рассматривать в “третьем мире” как новые орудия неокOLONиализма в американском исполнении. Для такого вывода у этих стран были все основания, в частности, система “взвешенного голосования” (пропорционально величине внесенного капитала), действующая в бреттон-вудских учреждениях, что дает возможность США вкупе со своими западными сателлитами провести или заблокировать любое решение ВБ — МВФ. Признание неокOLONиальной сути структурной перестройки в странах “третьего мира” со стороны США все чаще появляется в американской печати. Так, исследователь американской корпоратократии Дж.Перкинс пишет: “Мы решили сделать инструментами колонизации Всемирный банк, МВФ и прочие организации с “многонациональным” представительством. Весьма доходные сделки, которые при этом получали у этих организаций американские корпорации, инициированные нашими усилиями соглашения о “свободной” торговле — все это в открытую обогащало американских экспортеров, ущемляя интересы их партнеров из третьего мира” [Перкинс, 2008: с. 219]. Осознание подлинной роли ВБ — МВФ побудило многие страны Азии выйти из сферы их влияния. “Со времени финансового кризиса 1997–1998 годов явной целью азиатов стало дистанцирование от МВФ, обременительные условия кредитов которого делали его орудием американского казначейства” [Ханна, 2010: с. 344], — отмечает американский социолог Параг Ханна.

Провал попытки “Вашингтонского консенсуса” обеспечить высокие темпы экономического роста вызвал возмущение во всем мире на изломе веков. К этому времени стало ясно, что те страны, которые добились высоких устойчивых темпов роста в конце XX — начале XXI века, например, Китай и Индия, не руководствовались положениями “Вашингтонского консенсуса” и не имели дела со структурными реформами ВБ — МВФ. Критики реформ этих финансовых учреждений справедливо указывали на то, что они являются неоправданной идеологической попыткой навязать неолиберализм странам “третьего мира”. В результате этого инициаторы неолиберальных реформ признали ошибочный характер потерпевшего коллапс “Вашингтонского консенсуса” и решили дополнить его 10 пунктами, чтобы затем представить миру как обновленный “пост-Вашингтонский консенсус”. 10 новых положений, внесенных в “Вашингтонский консенсус”, включали следующие пункты: 1) улучшение корпоративного управления; 2) борьба с коррупцией; 3) создание гибких рынков труда; 4) совершенствование соглашений по линии ВТО; 5) учреждение финансовых кодексов и стандартов; 6) “благоразумное” открытие счетов движения капиталов; 7) установление режимов курса обмена валют без посредников; 8) создание независимых центральных банков / борьба с инфляцией; 9) учреждение сетей социальной безопасности; 10) преследование цели уменьшения бедности [Peet, 2007: p. 117].

Однако многие пункты “пост-Вашингтонского консенсуса” об усилении регулирования экономики и облегчении участи населения в ходе реформ остаются до сих пор не выполненными. Насколько успешными были регулятивные меры “консенсуса”, показало втягивание капиталистической экономики в очередной кризис. Что же касается решения самой острой проблемы современности — борьбы с бедностью, то сегодня на всех уровнях уже прозвучало признание сильных мира сего о том, что намеченная ООН Цель Тысячелетия — покончить с бедностью к 2025 году — не будет выполнена, ибо бедность после вступления человечества в новый век не только не

уменьшается, но и упорно растет. Иного результата и быть не могло при безразличном отношении к решению проблемы обнищания народов мира со стороны богатых стран. Взяв на себя обязательство ежегодно расходовать с этой целью в виде оказания помощи развивающимся странам в рамках Проекта Тысячелетия не менее 0,7% ВВП, многие богатые страны не выполняют это обещание (например, взнос самой богатой страны капиталистического мира — США — в фонд помощи развитию развивающихся стран составляет всего 0,15% ВВП) [Peet, 2007: p. 121]. Более того, проблема бедности в последние годы обострилась и в богатых западных странах, в том числе в США, несмотря на то, что средняя зарплата в Соединенных Штатах в 10 раз выше, чем в Китае, и в 50 раз выше, чем в Индии [Chang, s.a.].

По мнению американских социологов Джеймса Петраса и Генри Велтмейера, новейший период капиталистического развития имеет два измерения (глобализация в теории / империализм в практике). В продвижении практики империализма под прикрытием глобализации в теории важная роль отводится неолиберализму, который прошел четыре последовательные фазы [Petras, s.a.].

Фаза I (1975–1982) неолиберального проекта тесно связана с режимом А.Пиночета в Чили после военного переворота в 1973 году. “Энергичные реформы”, осуществленные этим режимом, были распространены затем на Аргентину и Уругвай, а впоследствии были реализованы в Великобритании и США. Опыт этих стран в проведении неолиберальных реформ позднее использовался экономистами ВБ в качестве модели структурных реформ, которые стали платой реформируемых стран за допуск в новый (неолиберальный) мировой порядок.

Фаза II (1983–1990) неолиберализма как империализма в маске глобализации включает в себя возобновленный процесс накопления капитала в глобальном масштабе; установление новой конфигурации экономической и политической власти; претворение в жизнь второго раунда неолиберальных “структурных реформ”; запуск идеологии глобализации для легитимации процесса реформ; а также процесс ре-демократизации, задуманный как средство обеспечения политических условий для структурной адаптации в виде стратегического соединения, с одной стороны, капитализма / экономического либерализма и, с другой — демократии / политического либерализма.

Фаза III (1990–2000) — это “золотой век” передачи общественной собственности частнокапиталистическому сектору; гигантского оттока капитала в виде прибыли от капиталовложений; выплаты долгов и взимания роялти. Однако этот период также характеризовался отсутствием экономического роста, который составил менее 1% на душу населения, и возрастающим разрывом в распределении общественного богатства и дохода. В 1990–2000-е годы банки и инвесторы получили огромную правительственную помощь в условиях финансового кризиса, были проведены второй раунд неолиберальных структурных реформ, вторая волна приватизации и связанная с ней денационализация банков и стратегических предприятий, а также принят “пост-Вашингтонский консенсус”, чтобы придать неолиберализму более инклюзивную форму.

Фаза IV (2000–2009) начинается с инволюции в системе капиталистического производства и коллапса притока ПИИ, а также втягивания капитализма в политический кризис в результате широко распространённого в

мире разочарования в неолиберализме, что повлекло за собой смену политических режимов в Аргентине, Боливии, Эквадоре, Бразилии, Уругвае, Венесуэле и других странах. Экономическое и политическое развитие в этот период все больше основывалось на перестройке глобального производства в связи с экономическим бумом в Китае и Индии и увеличением их спроса на новые источники энергии, природные ресурсы и потребительские товары.

Нынешняя фаза неолиберализма характеризуется медленным выходом глобальной экономики из финансово-экономического кризиса без оптимистических надежд на благоприятные перспективы послекризисного развития. По словам американского макроэкономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана, “сложившаяся совокупность глупых идей, претендовавших на название “экономика предложения” (supply-side economics, *англ.*), оказалась всего лишь эксцентричной доктриной...” [Кругман, 2009: с. 283]. По его мнению, если предпринятые меры по спасению кредитной системы и начнут возвращать кредитные рынки к жизни, мир по-прежнему стоит на пороге глобального замедления, и угроза развития событий по такому сценарию усиливается. Возвращение депрессивной экономики, в условиях которой человечество живет сегодня, ставит на повестку дня вопрос о том, “как создать достаточный спрос, чтобы можно было воспользоваться имеющимися у экономики мощностями” [Кругман, 2009: с. 286]. Однако ответа на этот вопрос на Западе в наши дни не знает никто, что еще больше усиливает депрессивные последствия неолиберализма.

“Пекинский консенсус” vs “Вашингтонский консенсус”: что дальше?

В настоящее время неолиберальная парадигма, которая завела глобальный капитализм в исторический тупик, все чаще подвергается жесткой критике слева. Критики идеологии и практики “новых правых”, взявших на вооружение неолиберализм, подчеркивают, что его адепты обещали, что эта новая экономическая модель будет стимулировать инвестиции в экономику и, таким образом, способствовать созданию рабочих мест и “просперити” для всех в результате “просачивания” богатства сверху вниз. Ничего подобного в реальной жизни не произошло и не могло произойти. “Под рубрикой неолиберализма последние два десятилетия стали свидетелями попытки внесения изменений в законодательный ландшафт во всех странах мира в порядке приспособления к глобализации, наступления на социальное обеспечение посредством принуждения стран к введению “чрезвычайной” политики, которая ведет к созданию более уступчивой рабочей силы, а также содействует финансиализации экономической активности ради достижения краткосрочных целей за счет долгосрочного роста и развития” [Fasenfest, 2010: p. 630], — пишет американский социолог Дэвид Фэйзенфест. Суть неолиберализма заключается в том, что он создал “конструкцию механизмов контроля, которые служат источниками власти для государства и тех, кто обладает правом привилегированного доступа или отношения к его организационным механизмам” [Konings, 2010: p. 743]. Какие политические цели преследует неолиберализм, наглядно показывает сравнительный анализ направленности классических либеральных реформ и постклассической неолиберальной реакции [Hudson, p. 27] (табл. 2).

Сравнение политических целей классического либерализма и постклассического неоллиберализма

Классические либеральные экономические реформы (демократия, “модернизм”)	Постклассическая неоллиберальная реакция (олигархия, “постмодернизм”)
Освободить индустриальный капитализм от наследия феодализма: власти земельной аристократии, финансовой системы и монополий, которые извлекают экономическую ренту и проценты без участия в труде	Использовать государственную власть для защиты специальных привилегий и субсидирования правящих и привилегированных групп общества, защищая их от последних трех столетий экономических, политических и налоговых реформ
Создать свободный рынок — свободный от незаработанных доходов (ренты, процентов и прибыли на капитал)	Освободить рынки от правительственного контроля, регулирования цен и прогрессивного налогообложения
Удерживать цены на одной линии с себестоимостью, использовать трудовую теорию стоимости с целью изолирования экономической ренты как непроеизводственного дохода, превышающего общественные затраты на производство	Предоставлять налоговые льготы и госсубсидии с целью максимизации доходов рантье, превышающих необходимые издержки производства. Приватизировать госсобственность, создавая и продавая право на «контрольные посты» покупателям, используя банковский кредит для наращивания продажных цен
Обеспечить равенство возможностей индивидам для получения плодов своего труда посредством налога на ренту и другие доходы привилегированного класса. Сохранять госсобственность на землю и естественные монополии, обеспечивать возможность общественной конкуренции, чтобы не допускать повышения цен	Не облагать налогом и дерегулировать погоню за рентой и прибылью от недвижимого имущества, акций и облигаций, поднимая цены на них в соответствии с уровнем зарплат. Отменить налог на наследство и сделать эти доходы и грабительские изъятия необратимыми. “Каждое семейное богатство представляет собой большое воровство” — и вам нужно только однажды создать богатство
Предотвратить поляризацию в обществе между кредиторами и должниками, земельными олигархами и арендаторами и таким образом достичь сокращения бедности	Использовать государственную власть для приведения в исполнение исков кредиторов и собственников, касающихся лишения лиц, не выполняющих своих обязательств, права выкупа заложенного имущества, но использовать государственные фонды для защиты элит от банкротства
Направлять сбережения общества на создание новых средств производства, добиваясь наряду с этим процветания и производительности населения в целом. Иначе погоня за богатством примет скорее хищнические формы, чем формы позитивной активности	Предотвратить правительственные попытки регулировать сферы, в которые вкладывается богатство, чтобы найти самый легкий из возможных путей для получения выгоды. Это обычно касается краткосрочных доходов, так как производство новых товаров и развитие рынков требует усилий и риска
Обеспечить экономическое реформирование посредством проведения демократических политических реформ, исходя из того, что расширение участия в выборах будет вести к лучшему обслуживанию более широких интересов, если люди будут голосовать в своих интересах	Превратить сектор финансов, страхования и недвижимого имущества в сферу политического контроля посредством лоббирования и взносов в избирательные кампании. Поддерживать контроль Палаты лордов или Сената над нижней палатой

Коллапс западной экономики в условиях глобального финансово-экономического кризиса обнажил несостоятельность “нового мирового неолиберального порядка”. Как отмечает исследовательница неолиберализма Шэрон Бидер, “глобальный финансовый кризис показал, что финансовые рынки обеспечивают возможности для инвестирования, создающего относительно немного дополнительных рабочих мест и способствующего эфемерному процветанию, которое полностью может быть уничтожено в течение нескольких дней” [Beder, 2009: p. 17]. Главными критиками неолиберализма и проектов экономического роста и развития в современном мире чаще всего выступают неокейнсианцы, посткейнсианцы, институционалисты и марксисты [Battin, 2009: p. 31–33].

Неокейнсианцы акцентируют внимание на провалах в регулировании капиталистической экономики в течение последних 20 лет и обосновывают необходимость возвращения к регулированию корпоративной и финансовой сферы. С целью вывода капиталистической экономики из кризиса они призывают к восстановлению ликвидности финансовых институтов посредством оказания помощи им за счет использования общественных фондов. Долгосрочная цель неокейнсианцев заключается в реформировании капитализма, то есть в сохранении статус-кво с использованием элементов финансового регулирования.

Посткейнсианцы, которых все чаще называют “левыми” или “новыми” кейнсианцами, подчеркивают внутреннюю неустойчивость капиталистической экономики и выступают за интеллектуальный, политический и экономический возврат к тем временам, когда была остановлена “кейнсианская революция”. Они настаивают на новом реформировании социальных и экономических институтов и побуждают власть имущих не упустить эту возможность.

Институционалисты следуют в русле учений Т.Веблена, К.Поланьи, Дж.К.Гэлбрейта и их последователей и делают ударение на том, что рынки не формируются спонтанно, а создаются институтами, включая институт государства. По их мнению, в наши дни выбор лежит не между государственным регулированием и нерегулированием, а между институциональными устройствами, которые действуют в интересах живущих в достатке, и устройствами, которые направляют усилия на сокращение неравенства.

Марксисты указывают на то, что в настоящее время капиталистический мир переживает системный кризис, ибо сама капиталистическая система генерировала корпоративные жалованья и бонусные выплаты астрономических размеров, устройство и переустройство финансовых средств в более новые и рискованные формы ради извлечения прибыли. Эта же система привела к расширению неравенства в еще больших масштабах, особенно в США, ставших эпицентром глобального кризиса.

Критики неолиберализма обращают особое внимание на то, что в результате рыночных трансформаций значительное число малых, средних и даже более крупных предприятий было вытеснено из рынка или поглощено ТНК под тем предлогом, что эффективность их функционирования была “ниже средней”. Поскольку на малых и средних предприятиях было занято примерно 80% рабочей силы, выталкивание весомой ее части в резервную армию труда привело к обострению проблемы безработицы. Последняя также значительно усилилась в связи с приватизацией госпредприятий и про-

ведением новыми частными собственниками “политики оптимизации численности рабочей силы”, как теперь называют сокращение персонала. Передислокация многих предприятий из стран Севера в страны Юга в поисках более выгодных условий извлечения прибыли вылилась в переход большого количества уволенных рабочих из обрабатывающей промышленности в сферу услуг с низкой оплатой труда, а также подорвала коллективно-договорные позиции профсоюзов в борьбе за повышение зарплаты и улучшение других условий труда. Весомый вклад в исчезновение рабочих мест внесла “третья индустриальная революция” с ее упором на развитие информационных и коммуникационных технологий, ведущих к постоянному сокращению занятости на предприятиях и в офисах [Werlhof, s.a.].

Средства производства вследствие экспансии неолиберальной контрреволюции стали сосредотачиваться во все меньшем количестве корпоративных рук, которые, как правило, начинают свою деятельность с “зачистки” излишней рабочей силы. Частный бизнес начал энергично вторгаться в те сферы, которые традиционно считались общественными и исключенными из логики извлечения прибыли. В данном случае речь идет прежде всего о средней и высшей школе, здравоохранении, энергетике, водоснабжении и т.д. В США не так давно под нож приватизации пустили даже тюрьмы. Реализация лозунга “Рост посредством экспроприации” привела к демонтажу государства благоденствия во многих западных странах. В борьбе за выживание индивиды теперь вынуждены все больше полагаться на частные, более дорогие и не всегда качественные услуги. Еще хуже положение в этом отношении в развивающихся странах, где вместо обещанного развития создана мировая система недоразвития. Погружение многих стран в Средневековье на пороге XXI века привело к восстановлению в них института квазирабов, к широкой экспансии авторитарных моделей “свободных производственных зон” не только в странах Юга, но и в странах Севера. “Становится очевидным, — пишет К.Верлхоф, — что неолиберализм не только не означает конца колониализма, а наоборот, означает колонизацию Севера. Эта новая “колонизация мира” указывает на начало “современной мировой системы” в “долгом XVI веке”, когда завоевание Америк, их эксплуатация и колониальная трансформация сделали возможным рост и “развитие” Европы” [Werlhof, s.a.].

В то же время все глобальные ресурсы, имеющиеся сегодня в распоряжении человечества, превращаются большим бизнесом в объекты “утилизации”. В результате истощения недр происходит быстрое экологическое разрушение Земли. Капиталистические государства не вмешиваются в процесс глобального потепления и сведения тропических лесов, что грозит необратимыми климатическими и иными последствиями для обитателей нашей планеты. “Климат, животный и растительный мир, человеческие и общие экологические права не стоят ровным счетом ничего по сравнению с интересами корпораций, невзирая на то, что тропические леса являются невозобновляемым природным ресурсом и что целая земная экосистема зависит от него. Если бы жадность — и рационализм, с помощью которого она экономически вводится в действие — в действительности была врожденной характеристикой антропологической чертой человека, мы никогда бы не дожили до этого дня” [Werlhof, s.a.], — пишет К.Верлхоф. Названными последствиями неолиберализма далеко не исчерпываются все риски и угрозы, которые эта “банальность зла” несет человечеству. Ясно, что дальнейшее следование

этим курсом грозит необратимой деградацией жизни на Земле. “Поэтому крушение социалистического лагеря в 1989–1991 годах является не концом коммунизма и торжеством либеральной демократии, а началом глобальной трансформации актуальной миросистемы в целом. Эта трансформация будет происходить в XXI веке, пока мир вновь не придет в новое равновесное положение” [Мартьянов, 2010: с. 64].

Несмотря на возрастающее признание вступления человечества в “постнеолиберальную” эпоху, действенных альтернатив неолиберализму со стороны научного сообщества в западной “экономикс” сегодня нет. Более того, американский экономический мейнстрим, побивший все рекорды по количеству лауреатов Нобелевской премии, до сих пор не смог представить на суд общественности научных работ, в которых содержался бы серьезный анализ причин нынешнего кризиса, который основательно подорвал легитимность неолиберализма. Анализируя ситуацию в экономической науке США, профессор экономики Техасского университета в Аустине Джеймс Гэлбрейт (сын известного американского экономиста Джона К. Гэлбрейта) пишет: “Причина не в том, что нет новейших работ, посвященных исследованию природы и причин финансового коллапса. Такие работы есть. Но линия дискурса, в ходе которого обсуждаются эти вопросы, обособляется, перемещается на обочину в пределах академической экономики. Статьи, в которых дискутируются эти проблемы, передаются во второстепенные журналы, даже в бюллетени и блоги. Ученые, которые изменяют своему скептицизму и проявляют интерес к этим проблемам, лишаются участия в академической жизни — или, если они остаются, их отправляют в широкую сеть меньших университетов штатов или колледжей либеральных искусств. Там их смогут надежно игнорировать” [Galbraith, 2009: p. 87].

За неимением собственных альтернатив американцы все пристальнее присматриваются к чужому опыту, в частности, китайскому. “Сейчас во мнении многих людей демократия, капитализм и индивидуализм сильно дискредитированы, а азиатским ценностям коллективного лидерства, консенсуса и общественной гармонии это вряд ли грозит. Тем самым множится число альтернативных моделей для остальной части Второго мира” [Ханна, 2010: с. 346], — пишет П. Ханна. В результате этого программа долгосрочного развития КНР под названием “Большая стратегия” в 2004 году была заменена на Западе на понятие “Пекинский консенсус”, введенное в оборот консультантом компании “Голдман Сакс” Джошуа Рамо. Китайская модель развития базируется на принципах, во многом отличных от “Вашингтонского консенсуса”. Во-первых, в КНР сохраняется авторитарный режим и проводится постепенная, а не обвальная демократизация. Во-вторых, в начале реформ Китай осуществлял постепенное дерегулирование цен, а сегодня проводит постепенную экономическую либерализацию. В-третьих, в КНР негосударственный сектор создавался с нуля, а не в результате широкой приватизации, а также соблюдается плюрализм форм собственности и контроля. В-четвертых, в Китае осуществляется сильная экспортно-ориентированная промышленная политика. В-пятых, в КНР занижается валютный курс через накопление валютных резервов, что тоже служит инструментом стимулирования экспортно-ориентированного роста. “Все эти составляющие китайской политики вызывают противодействие США и Запада и предсказания, что китайский рост должен неминуемо закончиться крахом,

если политику не поменять на неолиберальную. Но такие предсказания делаются уже более четверти века, а рост все продолжается” [Попов, 2007], — отмечает профессор Российской экономической школы Владимир Попов.

По мнению Дж.Рамо, поскольку “Пекинский консенсус” преследует цель достижения экономического роста с помощью государства при обеспечении независимости и национальных интересов в условиях стабильности, он может использоваться и другими развивающимися странами. Основными элементами “Пекинского консенсуса” являются: 1) инновационное развитие экономики, создание специальных экономических зон; 2) минимизация роли правительства в решении экономических и социальных проблем; 3) сбалансированный качественный устойчивый рост в условиях поступательного движения реформ; 4) “либерализация” собственности; 5) открытость страны не только для иностранного капитала и ТНК, но и для внедрения новейших управленческих институтов и идей; 6) совершенствование духовной, социальной и политической сфер общества; 7) развитие большей самостоятельности и независимости индивидов [Лопатина, 2010: с. 65–69].

Несмотря на то, что Пекинский консенсус имеет ряд преимуществ перед Вашингтонским консенсусом, и первый, и второй носят неолиберальный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями. На это обращает особое внимание китайский экономист Ю Вэнли, который подчеркивает, что неолиберальная трансформация китайского государства под руководством Компартии Китая привела к обострению в КНР четырех главных проблем: 1) увеличение разрыва между богатыми и бедными представляет собой вызов социалистической распределительной системе; 2) приватизация находящихся в государственной собственности предприятий и “находящихся в государственной собственности активов” наносит ущерб социалистической “коллективной системе собственности”: 3) правительственное “нарушение функционирования” или “неправильное поведение” на рынке наносят урон социалистической рыночной экономической системе; 4) “сельско-городская сдвоенная экономическая структура” и увеличение разрыва между регионами наносят ущерб сбалансированному развитию национальной экономики. В результате названных изменений китайское общество, которое ранее было одним из наиболее равных в мире, превратилось в одно из наиболее неравных. Китай также стал обществом риска, в котором ответственность за занятость, социальное обеспечение, образование, здравоохранение, смягчение бедности и защиту окружающей среды все больше перераспределяется между правительством и неправительственными организациями, между коллективом и индивидом в пользу последних. С этой точки зрения рассматривать Пекинский консенсус как образец для подражания не представляется ни перспективным, ни целесообразным [Ren, 2010: р. 105–128], несмотря на кажущуюся привлекательность “китайской модели” развития.

* * *

Таким образом, глобальный неолиберальный капитализм завел человечество в тупик. Однако сильные мира сего не собираются сдавать идеологию и практику неолиберализма в исторический архив. По какому пути пойдет дальнейшее развитие мировой цивилизации — это уравнение со многими неизвестными. Не вызывает сомнения только то, что вместо обещанного Ф.Фукуямой “конца истории” в настоящее время уже наступил, выражаясь словами выдающегося американского социолога И.Валлерстайна, “конец

знакомого нам мира”. Глобальный финансово-экономический кризис серьезно подорвал доверие к “саморегулируемой” экономике и неолиберальной глобализации по-американски. Именно последние погрузили в экономический мрак множество стран “ядра”, “полупериферии” и “периферии”, в том числе и Украину, которая вытеснена глобальным неолиберализмом на обочину мирового капиталистического развития. Затяжной характер новой Великой депрессии на пороге XXI века, которая осложняется народными волнениями в странах Северной Африки и Ближнего Востока, стихийным бедствием в Японии и последними событиями в Ливии, влечет за собой усиление процессов экономического национализма, деглобализации, фрагментации, регионализации и локализации в современном мире.

Кризис глобализации, вызванный крахом финансово-экономической системы глобального неолиберального капитализма, является тяжелым испытанием для стран “третьего мира” и с “переходной экономикой”, которые все еще ищут свои ниши в глобальной экономике или интегрируются в нее на правах младших партнеров. По мнению И.Валлерстайна, структурный кризис мир-системы продлится, по всей вероятности, приблизительно до 2050 года, развитие так называемых “новых” экономик будет осложняться повышением спроса на дефицитные мировые ресурсы и падением эффективного спроса на их товары и услуги [Wallerstein, 2011: p. 35, 36]. В этих условиях Украине следовало бы как можно быстрее осознать бесперспективность развития в соответствии с моделями ВБ–МВФ, отказаться от рыночного романтизма и фундаментализма и разработать собственный курс выхода из кризиса с учетом принципа глокализации, то есть глобализации там, где это выгодно нашей стране, и локализации там, где глобализация противоречит нашим национальным интересам.

В контексте нынешнего структурного кризиса глобального капитализма, грядущего хаоса и деглобализации государства, обеспокоенные обеспечением своего выживания, должны, по мнению директора Центра “Фокус на глобальный Юг”, профессора социологии Университета Филиппин Уолдена Белло, которого секция Международной политэкономии Ассоциации международных исследований признала “выдающимся публичным ученым 2008 года”, сделать своей приоритетной задачей научную разработку и реализацию альтернативных программ развития. Для этого необходимо освободиться от социальной мифологии по поводу неолиберальной глобализации и сосредоточить основные усилия на реализации мер, направленных на преодоление последствий глобализма и глобализации по-американски на национальном, региональном и локальном уровнях. Ключевыми элементами в этих программах могут стать следующие основные принципы [Bello, 2007: p. 218]:

- переход от экспортно-ориентированного производства к производству для внутреннего рынка;
- поддержка производства жизненно важных сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий, а также предоставления главных услуг на локальном уровне вместо ввоза их извне, если это можно делать при разумных затратах;
- осуществление перераспределения доходов с целью создания энергичного внутреннего рынка, а также стимулирования экологически устойчивого развития;
- институционализация справедливой, управляемой торговли вместо свободной торговли;

- демократизация принятия экономических решений, то есть предоставление права электорату принимать ключевые экономические решения, не оставляя этот процесс рынку и корпорациям;
- создание системы регулирования рынка и частного сектора с вовлечением в нее не только государства, но и гражданского общества.

Это всего лишь приблизительный перечень экономических и политических принципов, которые можно было бы положить в основу стратегического курса Украины в условиях деглобализации с учетом ее национальных ценностей, культуры, специфики и положения в мире. Реализация этого курса могла бы способствовать не только решению проблем выживания, но и гуманизации и демократизации общественной жизни и повышению эффективности национальной, региональных и локальных экономик в условиях коллапса глобалистского неолиберального капиталистического проекта и неизбежной предстоящей смены вектора социально-экономического и политического развития в большинстве стран мира. Последнее станет результатом осознания все большим числом людей того, что глобализация в действительности представляет собой американизацию и вестернизацию современного мира, направленную на расширение влияния в нем США и других западных государств, последовательно устанавливающих тотальный контроль над большинством остальных стран прежде всего с помощью ВБ — МВФ — ВТО. Поэтому продолжение следования в русле навязанного нам “догоняющего развития” — это путь в исторический тупик, это бесперспективная во всех отношениях “игра с нулевой суммой”, ведущая к утрате Украиной способности к воспроизводству своего государственного суверенитета.

Источники

Валянский С.И. За какие идеи мы умираем / Валянский С.И. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2005.

Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана / Гарбузов В.Н. ; отв. ред. Э.А. Иванян ; Ин-т США и Канады РАН. — М. : Наука, 2008.

Дюмениль Ж. Природа и противоречия неолиберализма / Ж. Дюмениль, Д. Леви // Прогнозис. — 2005. — Лето. — С. 61–84.

Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / Зинн Г. ; пер. с англ. — М. : Весь мир, 2006.

Кляйн Н. Доктрина шока: Становление капитализма катастроф / Кляйн Н. ; пер. с англ. — М. : Добрая книга, 2009.

Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / Кругман П. ; пер. с англ. В.Н. Егорова ; под общ. ред. М.Г. Делягина, Л.А. Амелехина. — М. : Эксмо, 2009.

Кузык Б. Международная торговля и справедливость: цивилизационный аспект / Б. Кузык, Ю. Яковец // Справедливая торговля для всех. Как торговля может содействовать развитию / Дж.Ю. Стиглиц, Э. Чарлтон ; пер. с англ. — М. : Весь мир, 2007. — С. 6–10.

Лопатина А.Н. От “Вашингтонского консенсуса” к “Пекинскому” / А. Лопатина // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2010. — № 9. — С. 59–71.

Макинерни Д. США. История страны / Макинерни Д. ; пер. с англ. Т. Мининой. — М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2009.

Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире / Мартьянов В.С. — М. : РОССПЭН, 2010.

Пек Д. Постнеолиберализм и борьба за него / Д. Пек, Н. Теодор, Н. Бреннер // Прогнозис. — 2010. — № 2. — С. 108–130.

Перкинс Дж. Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции / Перкинс Дж.; пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Поланьи К.; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2002.

Попов В. “Пекинский консенсус” против “Вашингтонского”: “азиатские ценности” более конкурентоспособны, чем либерализм? / В. Попов // Прогнозис. — 2007. — № 3. — С. 344–347.

СМИ: Почти половина всего имущества Земли принадлежит 1% жителей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2011/3/5/473589.html>.

Стиглиц Дж.Ю. Справедливая торговля для всех. Как торговля может содействовать развитию / Дж.Ю. Стиглиц, Э. Чарлтон; пер. с англ. — М.: Весь мир, 2007.

Ханна П. Второй мир / Ханна П. / Центр исследований постиндустриального общества; вступ. статья В.Л. Иноземцева. — М.: Европа, 2010.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Харви Д.; пер. с англ. Н.С. Брагиной. — М.: Поколение, 2007.

Albrow M. The crisis is more than economics: Creating a global culture of responsibility [Electronic resource] / M. Albrow, C. Bradford. — 01.04.2009. — Mode of access: <http://www.laviedesidees.fr/The-crisis-is-more-than-economics.html>.

Auer S. Whose Europe Is It Anyway? Habermas’s New Europe and its Critics / S. Auer // Telos. — 2010. — Fall. — P. 181–191.

Battin T. Is the Left Ready to Displace the Right? / T. Battin // Social Alternative. — 2009. — Vol. 28, No 1. — P. 30–35.

Beder S. Neoliberalism and the Global Financial Crisis / S. Beder // Social Alternative. — 2009. — Vol. 28, No 1. — P. 17–21.

Bello W. Globalization in Retreat: Capitalist Overstretch, Civil Society and the Crisis of the Globalist Project / Bello W. // Berkeley Journal of Sociology: A Critical Review. — 2007. — Vol. 51. — P. 209–220.

Bone J.D. Irrational Capitalism: The Social Map, Neoliberalism and the Demodernization of the West / J.D. Bone // Critical Sociology. — 2010. — September. — P. 717–740.

Brinkley A. The Unfinished Nation: A Concise History of the American People / Brinkley A. — 2nd Edition. — N.Y.: The McGraw Hill Companies, Inc., 1997.

Cahill D. Is Neoliberalism History / D.Cahill // Social Alternative. — 2009. — Vol. 28, No 1. — P. 12–16.

Chang H.-J. 23 Things They Don’t Tell You About Capitalism: Item #1 — There’s No Such Thing as a Free Market [Electronic resource] / Ha-Joon Chang. — 2011. — January 31. — Mode of access: <http://www.alternet.org/story/149688/>.

Cohen R. Global Sociology / R. Cohen, P. Kennedy. — N. Y.: New York University Press, 2000.

Comaroff J. The Politics of Conviction: Faith on the Neo-liberal Frontier / J. Comaroff // Social Analysis. — 2009. — Spring. — P. 17–38.

Fasenfest D. Neoliberalism, Globalization and the Capitalist World Order / D. Fasenfest // Critical Sociology. — 2010. — September. — P. 627–631.

Galbraith J. Who are These Economists, Anyway? / James Galbraith // Thought & Action. — 2009. — Fall. — P. 85–97.

Gibson-Graham J.K. The End of Capitalism (As We Knew It): A Feminist Critique of Political Economy / J. Graham, K. Gibson. — Oxford (UK); Cambridge (USA): Blackwell Publishers, 1996.

Gilder G. Wealth and Poverty / Gilder G. — N. Y.: Basic Books, Inc., Publishers, 1981.

Gowan P. Neo-liberal theory and practice for Eastern Europe / P. Gowan // *New Left Review*. — 1995. — September-October. — P. 3–60.

Hilary J. Africa: Dead Aid and the Return of Neoliberalism / J. Hilary // *Race & Class*. — 2010. — Vol. 52, No 2. — P. 79–84.

Jones E. The Chicago School, Hayek and the Mont Pirelin Society / E. Jones // *Journal of Australian Political Economy*. — 2010. — Winter. — P. 138–154.

Hudson M. The Counter-Enlightenment: Its Economic Program — And the Classical Alternative / Michal Hudson // *Progress*. — Autumn 2010. — P. 4–27.

Konings M. Neoliberalism and the American State / M. Konings // *Critical Sociology*. — 2010. — Vol. 36, No 5. — P. 741–765.

Lave R. Introduction: STS and Neoliberal Science / R. Lave, P. Mirowski, S. Randalls // *Social Studies of Science*. — 2010. — Vol. 40, No 5. — P. 659–675.

Mingst K. *Essential of International Relations* / Mingst K. — N. Y. ; London : W.W. Norton and Company, 1999.

Miyoshi M. A Borderless World? From Colonialism to Transnationalism and the Decline of the Nation State / M. Miyoshi // *Critical Inquiry*. — 1993. — Summer. — P. 726–751.

Mudge S.L. The state of the art: What is neo-liberalism? / S. L. Mudge // *Socio-Economic Review*. — 2008. — No 6. — P. 703–731.

O'Connor J. Marxism and the Three Movements of Neoliberalism / J. O'Connor // *Critical Sociology*. — 2010. — Vol. 36, No 5. — P. 691–715.

Pabst A. The Crisis of Capitalist Democracy / A. Pabst // *Telos*. — 2010. — Fall. — P. 44–67.

Peet R. *Geography of Power: Making Global Economic Policy* / Peet R. — London : Zed Books, 2007.

Petras J. Neoliberalism and the Dynamics of Capitalist Development in Latin America [Electronic resource] / J. Petras, H. Veltmeyer. — 2009. — No 19. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=16167>.

Ren H. The Neoliberal State and Risk Society: The Chinese State and the Middle Class / H. Ren // *Telos*. — 2010. — Summer, No 151. — P. 105–128.

Sovacool B.K. Broken By Design: The Corporation as a Failed Technology / B.K. Sovacool // *Science, Technology & Society*. — 2010. — March. — P. 1–25.

Stiglitz J. The End of Neo-liberalism? [Electronic resource] / J. Stiglitz. — 07.07.2008. — Mode of access : <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz101/English>.

Towards a New International Development Architecture for LDCs: Report 2010 // United Nations Conference on Trade and Development. The Least Developed Countries. — N. Y. ; Geneva : United Nations, 2010.

Walker C. *Depression and Globalization: The Politics of Mental Health in 21st Century* / Walker C. — N. Y. : Springer, 2008.

Wallerstein I. Structural Crisis in the World-System: Where Do We Go from Here? / I. Wallerstein // *Monthly Review*. — 2011. — March. — P. 31–39.

Wells W. *American Capitalism, 1945–2000: Continuity and Change from Mass Production to the Information Society* / Wells W. — Chicago : Ivan R. Dee, 2003.

Werlhof C. von. The Consequences of Globalization and Neoliberal Policies. What are the Alternatives? [Electronic resource] / C. von Werlhof. — 2008. — February 1. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=7973>.

Weyland K. Critical Debates. Neoliberalism and Democracy in Latin America: A Mixed Record [Electronic resource] / K. Weyland. — Mode of access : http://muse.jhu.edu/journals/latin_american_politics_and_society/v046/46.1weyland.html.

World Investment Report 2008. Transnational Corporations, and the Infrastructure Challenge: Overview. — N.Y. ; Geneva : United Nations, 2008.